

УДК 818.99

**РАЗВИТИЕ В ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НЕКОТОРЫХ
ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫХ И КОМПОЗИЦИОННЫХ ФОРМ**
DEVELOPMENT IN EASTERN LITERATURE OF CERTAIN GENRE
AND STYLISTIC AND COMPOSITIONAL FORMS

А.О.ХУЖАХМЕТОВ*

Резюме

Статья обсуждает постепенное развитие некоторых жанр стиля и композиционных форм в восточной литературе с древних Индии в арабо-персидском языке. Громоздкие структура на великих произведений «Рамаяна», «Махабхарата» в исламской культуре заменены более легкой жанре Макам, соединяющей в разных пропорциях, особенно классической поэзии и рассказа или например, такие работы, как «уникального ожерелья» Ибн Абу Rabbih.

Summary

The article discusses the gradual evolution of some genre-style and compositional forms in the eastern literature since ancient Indian to Arab-Persian. Bulky structure on great works of "Ramayana", "Mahabharata" in Islamic culture replaced by a lighter genre Maqam joining in different proportions especially classical poetry and short story, or, for example, works such as "The unique necklace" Ibn Abu Rabbih.

«Рамаяна» – вторая после «Махабхараты» великая эпическая поэма Индии, отразившая более высокий уровень общественного и культурного развития. Фантастические мотивы преданий и мифов памятника сочетаются с реальными чертами эпохи его создания. Стройность и единство содержания, позволяющие допустить единое авторство её основных частей, совершенная поэтическая форма и богатство выразительных средств сделали поэму одним из самых популярных произведений индийской литературы. Уже в средние века версии «Рамяны» были хорошо известны в Тибете, Китае, странах Юго-Восточной Азии. «Рамаяна» является источником сюжетов многих литературных произведений Индии (Калидаса, Бхавабхути,

* кандидат филологических наук, Башкирский государственный университет, Уфа/Башкортостан.

Candidate of Philology, Bashkir State University, Ufa / Bashkortostan.

Бхатти, памятники буддийской и джайнской литератур, переводы и переложения на бенгальском, малаяльском, маратхском и др. новоиндийских языках и т.д.) и за её пределами (перевод памятника на древнеяванский язык, на основе которого создан героический эпос на кхмерском, тайском, малайском и др. языках Индокитая и Индонезии). К первым проявлениям литературной древнеперсидской традиции можно отнести клинописные надписи царей Ахеменидской династии (558–330 до н.э.) и созданный на родственном древнеперсидскому, авестийском языке, передаваемый устно священный свод зароастрийской религии Авеста (1 пол. 1 тыс. до н.э.). В нее входили: наиболее древняя часть – Гата (17 ритмизованных молитв, авторство которых приписывалось основателю древнеиранской религии Заратустре); книга Яшт, отражающая архаические представления персов о связи общества с миром природы и одухотворении природных сил. В Авесте уже встречаются зародыши популярных фольклорных сказочных сюжетов и мифологические образы борьбы царства света и царства мрака, где решающая роль отводится человеку-богатырю.

Следующий, среднеперсидский период (III–VII вв. н.э.), характеризуется появлением собственно литературных произведений на разных диалектах среднеперсидского языка – пехлеви, парфянском, согдийском и др. Среди сохранившихся памятников того времени – эпическое Сказание о Зарере, династийные хроники Книга деяний Арташира Папакана, дидактическая поэма Ассирийское дерево и коза. В среднеперсидский период была записана Авеста. Многие сочинения III–VII вв. известны только по названиям, в том числе династийные хроники Книги царей, на основе которых впоследствии был создан иранский эпос Шах-намэ Фирдоуси.

В в. персидские территории были завоеваны арабскими кочевниками и вошли в состав огромного Арабского халифата. Завоевания сопровождалась экспансией арабской культуры – распространением ислама, арабского языка и письменности. В свою очередь, арабская культура также испытала на себе влияние культур побежденных народов, в том числе персов. Однако уже в начале 10 в. халифат распался на отдельные эмираты, развивавшие собственную культуру при сохранении общей религии – ислама. Абу-л-Хасан Кисаи Марвази (р.963) был известен как мастер жанра описания, особенно развившегося позже, в 11 в. Кисаи начал череду «ответов» – насибов – на Старческую касыду Рудаки, мотивы которой впоследствии

многократно варьировались в произведениях авторов 11–12 вв. «Ответ», как жанр, предполагал сохранение части мотивов и грамматического строя или рифмы оригинала в совокупности с возможностью изменений отдельных элементов исходного произведения, что свидетельствовало об искусстве импровизации на заданную тему и умении бесконечно развивать и ритмически повторять ее смысловой узор. В ответной касыде Кисаи на касыду Рудаки сохраняется лексика и грамматическое построение образца – вопросы самому себе и ответы на них, но мотив имеет иную интерпретацию. Рудаки печалился о своей необремененности семейными узами, Кисаи же, наоборот, сетовал на необходимость содержать большую семью.

Начиная с XI в. большое влияние на формирование персидской классической литературы оказывали религиозные течения – исмаилизм и суфизм. Стал развиваться жанр назидательной касыды. Наиболее известным ее мастером был «пророк исмаилизма» поэт Насир Хосров (1004–1072). В своих религиозно-философских трактатах, диване из 12 тыс. бейтов, поэме Ровшанайи-намэ он осуждал придворную поэзию, бичевал сельджукских феодалов, нападал на ортодоксальное духовенство, сковывавшее свободное развитие научной и философской мысли и требовал сострадания к беднякам. Причину зол и бед он видел в распространении «дурной веры» и «несправедливом правлении». Хосров заменил восхваление правителя восхвалением праведника – носителя духовных ценностей, отвергающего корысть и мирские соблазны и верящего в силу слова и разума. Так в персидской касыде появились мудрые афоризмы и моралистические замечания.

Исследователи, активно прибегающие в ходе исследований к сопоставлению литературных традиций Востока и Запада, отмечали, что в арабо-персидской традиции есть все, что и на Западе, но граница между эстетически приемлемым и неприемлемым все время проходит "не там, где ее хотелось бы провести европейцу". Не там она проходит в вопросе об отделении заимствованных образов от авторских при определении границ плагиата, не там проложен водораздел между гиперболой и вульгарным преувеличением, не там проведена линия, отделяющая сюжетное произведение от бессюжетного, не те черты обеспечивают единство и цельность произведения. Поиску подходов к этому таинственному "не там" и посвящен третий раздел нашей работы. В нем мы постарались показать, как может быть устроено воспринимающее художественное (литературное) сознание читателя

(слушателя) родной арабской или персидской поэзии, на материале текстов, эксплицирующих правила построения ее художественного языка. Сюжетность иносказания, в котором сама метафора развертывается как «смысловой нарратив», имеющий свою строго определенную логику построения и понимания, составляет, видимо, существенную основу эстетического переживания, характерного для арабо-мусульманской культуры. С этой точки зрения безобразно избыточен и цветист оказывается, к примеру, как раз такой привычный, если не сказать хрестоматийно-прекрасный, для читателя образ, как "гений чистой красоты". Мы можем проделать мысленный эксперимент и посмотреть на эти слова глазами классической исламской поэтики. Перевод этого образа на арабский или персидский (где он превратился бы в "пэри чистой красоты"), составляющий необходимый предварительный шаг для поэтологического анализа, тем более возможен, что образ этот генетически связан с восточными мотивами. "Гений чистой красоты" в его восприятии читателем передает ощущение тончайшего, но все же воплощения, чистой идеи, идеальности красоты; наличие этих двух смысловых элементов, "чистой красоты" и "гения", идеи и ее — столь неплотского — воплощения, принципиально для смысловой архитектоники образа. Иначе обстоит дело в случае выстраивания смысла в арабо-мусульманской интеллектуальной культуре, где бесплотная идея не улавливается и не воплощается — в слове, где "гений" (пэри) уже (и всегда) несет в себе смысл "красота" как неназванный по имени — но тем более неизбежно присутствующий в поэтическом дискурсе. Оценки, даваемые иной культуре, неожиданно могут оказаться оценкой самого себя при взгляде со стороны — взгляде, не слишком внимательном к тем существенным основаниям, которые только и позволили бы воспринять иное как чужое, но не чуждое.

Венцом жанровой эволюции X в. становится макама, соединяющая в разных пропорциях особенности классической поэзии и новеллистики. Стилевой основой стал сложившийся к этому времени садж — особый размер рифмованной прозы. Здесь несколько новелл объединялись одним главным героем-рассказчиком, при этом сборники не имели самостоятельного названия, как персидские и древнееврейские. Широко известны "Собрание макам" Бади аз-Замана и "Собрание макам" аль-Харири. Макамы стали предтечей европейского "плутовского романа", появившегося в Испании в XVI в. В период расцвета макамы родился самостоятельный жанр —

философская поэзия, в которой можно увидеть различие между мусульманской и эллинистической культурами. Первые переводы греческих источников этого жанра относятся к VIII в., но к X в. в произведениях Джахиза и Ибн ар-Руми уже нет откровенного подражания, но создана система оригинальных воззрений. Таким образом, к XI в. классическая арабская литература представляла собой уникальное сочетание мусульманских религиозных и светских мотивов, противостоявших друг другу или сочетавшихся. Традиция жесткого подчинения жанру способствовала внутреннему их развитию. Но начиная с XI в. даже такое развитие замерло, что большинство исследователей трактует как упадок, хотя на самом деле это не совсем так. Именно в это время началась бурная литературная деятельность собирательного характера. Написаны обширные комментарии к древнейшим произведениям и их новые стилизации. В своих историко-биографических произведениях Ибн Халликан воссоздал образы великих людей прошлого. Авторы-компиляторы ас-Саалиби, Имад-ад-дин, аль-Исфахани составили несколько литературных антологий. Особое явление в средневековой арабской литературе представляют произведения авторов арабо-мусульманских областей Испании и Магриба. Развитие литературы Арабского Запада началось в VIII в. Чтобы сохранить восточную классику в завоеванных странах, были составлены объемные прозаические своды, систематизирующие и комментирующие наследие. Таким образом, в западно-мусульманской литературе сложилась новая сильная прозаическая традиция. Примеры художественной прозы — философская антология по литературе и истории "Уникальное ожерелье" Ибн Абу Раббихи, произведения Ибн Хазма, Ибн Шухейда и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баимов Р.Н. *Великие лики и литературные памятники Востока*. Уфа, 2005.
2. Идельбаев М.Х. *Башкирская изустная литература*. – Уфа: БГУ, 2000. (на баш. яз.).
3. *Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения*. М.: Наука, 1986. 336 с.
4. *История башкирской литературы*. В 6-ти томах. Т.3. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. (на баш. яз)
5. Кунафин Г.С. *Башкирская литература XIX - начала XX вв.* Нефтекамск: РИО НФ БашГУ, 2006. – 230 с.
6. Кунафин Г.С. *Культура Башкортостана и башкирская литература в XIX – начале XX века*. – Уфа, 2006. – 280 с.
7. Хусаинов Г.Б. *Поэтика башкирской литературы*. Первая часть/ Уфа: Гилем, 2006. – 403 с. (на баш. яз.).